

После того как Чу Цзюинь прилюдно выставил Чжу Тяньгана в дурном свете, тот, не в силах снести позора, в гневе покинул собрание.

Тяньган не обладал столь толстой кожей, как его соперник. Едва вернувшись в Западный сад, он велел слугам немедленно собирать вещи: оставаться здесь он не желал ни минуты и намеревался тотчас отбыть в Линьянь-фу.

Три дня обитатели Западного сада провели в суматохе. Кое-как приведя дела в порядок, Чжу Тяньган, хоть и мечтал поскорее убраться из Сяньюаня, всё же решил соблюсти приличия. Не желая окончательно рвать отношения с Чу Цзюинем, он скрепя сердце отправился в павильон Цзюсянь-ге, чтобы откланяться.

Хозяин Сяньюаня последние дни пребывал в превосходном расположении духа. Едва управляющий Цзя Лун доложил о приходе гостя, как тот уже стоял на пороге.

Чу Цзюинь поспешно поднялся навстречу, приглашая его сесть, но Чжу Тяньган даже не взглянул на его притворные любезности. Обменявшись парой дежурных фраз и даже не притронувшись к чаю, он прямо заявил, что возвращается домой.

Услышав об этом, Чу Цзюинь поспешил его удержать:

— Брат Тяньган, вы ведь обычно не покидаете Линьянь-фу без веской причины. Столько времени провели здесь, не вылезая из алхимической комнаты, и вот, когда наконец закончили дела, я только-только начал обсуждать с Цзя Луном нашу совместную прогулку на гору Цзюньшань... Неужели вы и впрямь так спешите?

Он говорил почтительно и радушно, но заметив, что гость остается холоден, попытался потянуть того за рукав. Чжу Тяньган, впрочем, ловко уклонился, не выказав и тени недовольства.

Чу Цзюинь окинул его пристальным взглядом. Понимая, что и так остался в большом выигрыше, он решил не испытывать терпение гостя и с усмешкой промолвил:

— Неужто старший брат всё ещё сердится? То, что произошло на днях — не более чем шутка, не принимайте близко к сердцу. Вот, возьмите, я возвращаю вам ваше сокровище!

— Кто это тебе «старший брат»? — буркнул Чжу Тяньган, едва сдерживая ярость. — Не смею набиваться в родичи. Ты — личный ученик Бессмертного господина, а я — лишь вольный практик, допущенный к занятиям. Род твой слишком высок для меня, так что не стоит и пытаться.

Поняв, что Тяньган говорит в сердцах, Чу Цзюинь не стал настаивать на возвращении артефакта сразу. Подав знак Цзя Луну, он велел привести Янь Цзызюня.

Тот ещё не успел войти в главный зал, а уже издали заметил и господина, и знатного гостя. Смертельно боясь Чу Цзюиня, юноша не смел нарушить ни единого правила приличия: едва переступив порог, он пал на колени в дверях.

Вид коленопреклоненного юноши отозвался острой болью в сердце Чжу Тяньгана. Он в несколько шагов преодолел расстояние до Цзызюня, бережно поднял его с пола и принялся заботливо отряхивать пыль с его штанин, хотя никакой пыли там не было и в помине.

— Не бойся, — прошептал он. — Я забираю тебя с собой. Больше не придется сносить обиды здесь.

С этими словами он взял Янь Цзызюня за руку и повел внутрь зала.

Чу Цзюинь, наблюдая за этой сценой, почувствовал, как внутри него всё переворачивается. Манерность Чжу Тяньгана вызвала у него такой приступ омерзения, что по спине пробежал холодный озноб.

— Цзюинь, я уезжаю послезавтра, — начал Чжу Тяньган, не закончив мысли. — Перед отъездом я хотел обсудить с тобой одно дело...

Чу Цзюинь предостерегающе выставил руку вперед, давая понять, что и так всё знает.

— К чему эта медлительность, старший брат? Всего-то и дела, что попросить слугу. Я не стану чинить препятствий, пусть всё будет так, как ты желаешь.

Услышав столь скорый ответ, Чжу Тяньган просиял. Он посмотрел на Янь Цзызюня с ликующей нежностью и даже слегка порозовел от волнения.

«Старый козел! — возопил про себя Чу Цзюинь. — Тошно смотреть! До чего же противно... Какая приторная мерзость!»

Несмотря на внутреннее содрогание, вслух он произнес со всей возможной учтивостью:

— Раз уж брат Тяньган так спешит, я не смею препятствовать. Но эту пилюлю я всё же должен вернуть. Благородный муж не станет отнимать то, что дорого другому. Я не совершил ничего достойного такой награды, а потому не могу принять столь ценный дар.

Он говорил так искренне и великодушно, что Чжу Тяньгану стало неловко за собственную мелочность.

— Ты уступаешь мне этого ребенка — разве это не заслуга? — возразил он. — К тому же, если бы не твоя помощь с талой водой с цветов Митуо, это дело вряд ли бы увенчалось успехом.

Оставь пилюлю себе, если она тебе пригодится. К чему возвращать?

Раз гость настаивал, Чу Цзюинь не стал более отнекиваться — для виду поупрямился ещё немного и, «скрепя сердце», принял подношение.

Получив желаемое в лице Янь Цзызюня, Чжу Тяньган почувствовал, что обида его угасла. Он уже собирался откланяться, как вдруг Чу Цзюинь добавил:

— погоди, брат. Позволь мне дать ему напоследок пару наставлений.

Откашлявшись, хозяин Сяньюаня свысока посмотрел на юношу:

— Между нами были некоторые недоразумения, но всё это — дела минувших дней. Прошло немало лет, и поминать старое было бы мелочно с моей стороны. Раз уж ты решил уйти с господином Чжу, служи ему преданно и рачительно. Не дай моим заботам пропасть втуне.

Янь Цзызюнь снова пал на колени. Лицо его было бледным, он низко склонил голову и хранил молчание.

— Что такое? — нахмурился Чу Цзюинь. — Сидишь с похоронным видом! Тебе выпала честь следовать за моим братом, а ты смеешь выражать недовольство?

Цзя Лун, видя, что господин закипает, поспешил вмешаться, пытаясь сгладить острые углы, но Янь Цзызюнь продолжал упорно молчать, не поднимая глаз.

— Что это значит? Мое решение тебя не устраивает? Или ты вознамерился остаться в Сяньюане до конца своих дней?

— Чу Цзюинь, к чему этот крик? — не выдержал Чжу Тяньган. — Ты же видишь, как он напуган! — Он потянулся было к юноше, чтобы поднять его.

Но Янь Цзызюнь, словно приняв роковое решение, вдруг вскинул голову. Он вмиг расплакался, и из его глубоких и ясных глаз слезы покатались по щекам безудержным потоком.

Чжу Тяньган замер в растерянности, а Цзызюнь, захлебываясь рыданиями, заговорил:

— Мои прегрешения... они слишком велики! Но господин не отверг меня, забыл былые обиды и позволил жить в этом прекрасном саду, дав кров и пищу...

Чу Цзюинь опешил:

— Ты... ты к чему это ведешь?

— Я... я не могу уйти, не отплатив за великую доброту, — продолжал юноша сквозь стоны. — Пусть господин Чжу милостив ко мне и жалеет меня, я не могу искать легкой доли, бросив своего господина!

Все присутствующие замерли, пораженные этой сценой. У Чу Цзюиня задергалось веко.

— Понятно... Ну и что дальше?

— А дальше... я ни за что не покину Сяньюань вместе с господином Чжу! При жизни я — человек Сяньюаня, а после смерти — его призрак!

«Призрак тебе в дышло!» — мысленно выругался Чу Цзюинь, едва сдерживая раздражение от этих театральных излияний. Янь Цзызюнь же зашелся в таком надрывном плаче, что его стенания заполнили весь зал.

Чжу Тяньган окончательно запутался.

— Цзызюнь, ты верно лишился рассудка? — осторожно спросил он. — Неужели тебе и впрямь будет так худо подле меня?

Юноша приник к ногам Тяньгана, причитая:

— Ваша милость безгранична, и мне нечем отплатить за неё... Разве что в следующей жизни... я стану вашей лошадью или волком, чтобы вернуть долг!

Раз слова были сказаны столь решительно, Чжу Тяньган не мог тащить его силой. Это было бы слишком унижительно для человека его положения. Потеряв разом и лицо, и редкий артефакт, он лишь побледнел. Взмахнув широким рукавом, он холодно бросил:

— Коли так, я не стану принуждать. Раз желаешь — оставайся хоть навеки при своем молодом господине Чу!

С этими словами он покинул павильон, а Янь Цзызюнь принялся истово бить челом, благодаря за «милость».

Так закончилась эта утренняя нелепица. Поскольку Чу Цзюинь явно не строил козней, Чжу Тяньгану было не в чем его обвинить. Хоть они и оставались названными братьями, расстались они на этот раз в полном разладе.

Покинув Цзюсянь-ге, Янь Цзызюнь поначалу шел медленно, но стоило павильонам скрыться из виду, а искусной резьбе на балках превратиться в крошечные точки, он отбросил всякое притворство. Юноша прибавил шагу, пугливо озираясь по сторонам, а затем и вовсе со всех ног припустил к своему дворику.

От пережитого волнения его прошиб холодный пот, и теперь, под порывами осеннего ветра, он чувствовал неприятную колкость в теле.

Слава богам, ни в этой жизни, ни в прошлой он не был дураком и прекрасно понимал, какого рода интерес могут питать мужчины к себе подобным.

Три месяца службы в алхимической комнате... Одному небу известно, чего ему это стоило!

Чжу Тяньган не зря хвалил его: юноша действительно все дни был начеку, ни на миг не оставаясь с ним наедине. Даже по ночам он предпочитал караулить печь, лишь бы не возвращаться в комнату. Тяньган был практиком, сведущим в тайных искусствах инь и ян, и при всей своей сухощавости обладал недюжинной силой. Захоти он чего — Цзызюню оставалось бы только покориться.

Единственным спасением стало то, что господин Чжу был чрезмерно озабочен своим имиджем. Его изысканность во всем — от одежды до манер — требовала образа безупречного, благородного мужа. Даже оставаясь наедине, он ограничивался лишь двусмысленными жестами: мог коснуться волос или взять за руку. Дальше дело не заходило.

Но и этого хватило, чтобы до смерти напугать Янь Цзызюня!

Уйди он с ним сейчас — и будущее его, вне всяких сомнений, стало бы куда страшнее, чем жизнь под началом непредсказуемого Чу Цзюиня.

Добравшись до своего жилища, Цзызюнь первым делом жадно умылся холодной водой. Кое-как обтеревшись полотенцем, он без сил рухнул в кресло.

Когда дыхание выровнялось, он покосился на свое отражение в тазу.

Что и говорить — лицо чистое, черты тонкие, а глаза как у молодого оленя: круглые, ясные и невинные. Да и статный, гибкий стан добавлял ему привлекательности. Хорош, ничего не скажешь!

Но до этих двух «катастроф» ему всё равно далеко. Уж если им так нравятся мужчины — пусть любят друг друга, он-то здесь при чем?

Главное, что послезавтра Чжу Тяньган уберется восвояси. После такого публичного отказа он вряд ли захочет возвращаться к этой теме. Скорее уж возненавидит — и тем лучше!

На душе стало светло, и Янь Цзыюнью невольно улыбнулся. Он прищурил оленьи глаза, и те превратились в два лукавых полумесяца, — в этот миг он выглядел на редкость очаровательно.

Впрочем, улыбка быстро сошла с его лица.

«Впредь нельзя так улыбаться при людях, — подумал он. — А то ведь и впрямь приглянусь какому-нибудь любителю...»

Раздосадованный этой мыслью, он вылил воду под стену дома.

Да и леший с ними всеми!

Похоже, в ближайшее время его никто не станет донимать поручениями. Раз уж выдалась свободная минутка, надо перебрать семена, что оставил Лао Юань, и посадить что-нибудь путное.

В поварне он больше не работает, а значит, о вкусной еде придется забыть. Нужно самому о себе позаботиться: вырастить что-нибудь полезное вроде линчжи или женьшеня, высушить и припрятать. А когда придет время уходить из Сяньюаня — обменять на серебро. И себе на жизнь хватит, и А-Юэ можно будет кое-что отложить.

Завтра же выберет клочок земли за домом и попробует.

Решено! Сказано — сделано.

На следующее утро небо сияло чистотой, не запятнанное ни единым облачком. Далекие горы казались вырезанными из темного нефрита, а ласковый ветерок приносил долгожданное тепло.

Но несмотря на ясный день, над Чу Цзюинем сгустились тучи. Он пребывал в скверном расположении духа, и с самого рассвета в его покоях не утихал гнев.

Едва успев умыться и собрать волосы, он переругал всю прислугу и выставил несчастных на галерею.

Когда Цзя Лун подошел к дверям, он увидел длинную вереницу слуг с подносами в руках. Они дрожали от страха, переминаясь с ноги на ногу, но войти внутрь никто не осмеливался.

Управляющий тяжело вздохнул и толкнул дверь.

— Господин, к чему вы держите людей на холоде? Почему не притронулись к завтраку?

— Какой ещё завтрак?! Пошли они все вон!

Цзя Лун был человеком внимательным. Скользнув взглядом по комнате, он заметил, что постель на резной кровати застелена безупречно ровно — к ней явно никто не прикасался. Значит, хозяин не смыкал глаз всю ночь.

А чем он мог заниматься ночью? Только медитацией.

Понимая, что господин снова впал в ярость из-за неудач в культивации — дела старого и привычного, — управляющий мягко предложил:

— Раз уж у господина нет аппетита, пусть расходятся по делам. Может, прогуляемся? Проветритесь, развеете мысли.

Чу Цзюинь откинулся на кушетке, махнув рукой:

— Пусть убираются, и чтоб ни звука на галерее! С глаз долой!

— Слушаюсь.

Цзя Лун уже собрался подать знак слугам, но голос господина заставил его обернуться:

— Давно я не выходил... В саду уже каждый куст примелькался. Куда податься-то, а?

— Ну...

— Ладно, не ломай голову. Пойдем-ка в сторону задней горы, побродим там.

<http://bllate.org/book/17484/1694629>